

Увековечено 2000 - 2 июня - с. 10.

«Давайте дружить!» — сказал мне Маяковский

Так вспоминала Ангелина Степанова

Никогда так не приближается прошлое, когда в него уходят большие люди. Простившись на этой неделе с Олегом Ефремовым и незадолго до этого с Ангелиной Иосифовной Степановой, мы поняли, что проводим эпоху. Их лица ее означали. Какие лица будут символом нашего времени, пока не ясно.

Незадолго до смерти Ангелина Иосифовна беседовала с обозревателем нашей газеты Натальей ИВАНОВОЙ-ГЛАДИЛЬЩИКОВОЙ. Вспоминала разные истории из своей жизни, многих замечательных людей, с которыми посчастливилось встречаться.

Маяковский

— 16 марта 1930 года вместе с Павлом Александровичем Марковым мы отправились на премьеру «Бани» Маяковского в театр Мейерхольда. Это был знаменитый провал. Многие зрители уходили прямо во время первого действия, а после окончания спектакля не было слышно ни единого хлопка. Мы вышли с Марковым из зала, взяли в гардеробе свои пальтишки и направились к выходу. Около дверей к нам подходит Маяковский: «Поедемте ко мне. Все-таки у меня премьера. — Мы с Павлом Александровичем переглянулись и, конечно, согласились. — Только по дороге заглянем во МХАТ, я оставлю записку Яншину с Полонской. Пусть они тоже приезжают».

В квартире Маяковского в Гендриковом переулке был накрыт стол на двенадцать человек (Маяковский был страшный чистюля и поэтому заранее накупил на него марлю.) Он снял перчатки, прислонился к изразцовой печке, стал что-то рассказывать. Со стола сняли «покрывало», сели. Я стала говорить, какой он замечательный поэт, что «черт с ними — с пессами». Приехали Яншин с Полонской. Мы сидели, выпивали. Постепенно напряжение спало, все стало хотаться, петь... В конце вечеринки Маяковский решил развезти гостей по домам: сначала — Полонскую с Яншиным (я помню, что во дворе они весело протанцевали что-то). Потом Владимир Владимирович отвез Маркова. А после этого говорит

мне: «Ангелина, давайте покатаемся! Поедемте куда-нибудь в лес...» — «Давайте, Владимир Владимирович!» И мы покатались. Разговаривали о театре, о том о сем. Никаких «мужских» ползновений с его стороны не было. Просто он был удручен тем, что произошло с пьесой. Я поняла тогда, что ему плохо живется. Маяковский говорил мне так: «А вот бы нам подружиться с вами! Вместе ходить на выставки, разговаривать. Видите, как у нас хорошо получается? Позвоните мне завтра утром. Давайте дружить!»

Домашняя меня ожидала сцена ревности. «Где ты была?» — задал вопрос мой муж Николай Михайлович Горчаков. «На спектакле, с Павлом Александровичем Марковым». — «Все уже давно вернулись домой!» Тогда я говорю: «Я каталась на машине с Маяковским». — «Что? С Маяковским... ночью... гулять? Как это можно, он такой-сякой. У него дочка есть в Америке!» Попало мне по первое число. Естественно, ни о каких утренних звонках речи идти не могло. К тому же я с утра до ночи была поглощена театром.

А спустя месяц, 14 апреля, Маяковский покончил с собой. На похоронах я почувствовала, что виновата перед ним. Он оставил в моей душе какой-то человеческий след. Все-таки я была в числе тех, кому он протягивал руку. Ведь могла же я ему вечером позвонить! Пожалуй, ни одну смерть чужого человека я не переживала так остро, как смерть Владимира Владимировича. То ли что-то в его глазах мне поме-

решилось, когда он просил позвонить, то ли что-то еще...

Уроки Смольцова

— Во МХАТе, на третьем этаже, находилась комната, где вдоль двух стен были балетные станки, и каждое утро любой желающий приходил в балетный класс. Народу набиралось много, человек двадцать. В то время в Большом театре работали два брата: Иван Смольцов, приземистый характерный танцовщик, и Виктор, «принц», блиставший в «Лебедином». Так вот, Иван Смольцов стал у нас преподавать. Конечно, ему было смешно смотреть, как мы выделяем балетные па. Он говорил (грасируя): «Габотаем! Ольга Николаевна (это Андровской), выше ногу! Пожалуйста, большой батман в стогону. И не охайте, от этого не умигают. Ангелина, что задумалась? Пгиседания. Газ-два. Габотать надо. Нечего вогон (ворон) считать. Чуть-чуть пгисели, прыжок. Газ-два. Алла Константиновна (это Тарасовой), отдигаемся от земли! Отдигаемся!» Отдиралась она действительно с трудом. Прыжки не были ее сферой.

Знакомство с Фадеевым

Когда в 1937 году МХАТ гастролировал в Париже, я, считаясь уже полноправным членом труппы, жила в той же гостинице, где и Книппер-Чехова. Большая часть артистов остановилась в гостинице посромнее. Как-то раз после репетиции мы шли с мхатовцами по Парижу — и вдруг я слышу: «Фадеев». Тогда группа наших писателей вернулась из Испании.

Нас познакомили, и он сразу включился в общую процессию. Через несколько дней Фадеев, заинтересовавшись мною, переехал в нашу гостиницу. Мы занимали один номер с Ольгой Николаевной Андровской. Фадеев был при деньгах, мы — нет. Поэтому, когда он приглашал меня куда-нибудь, я спрашивала: «А

можно я возьму с собой Ольгу? А можно пригласить Станицына?» Так в Париже Фадеев прокутил с нами все деньги. И когда ему нужно было возвращаться поездом в Москву, мы с Андровской купили ему корзину с фруктами и дали в дорогу какие-то деньги.

Потом я приехала в Москву. Стою как-то во мхатовском буфете, жду, когда мне нальют чай. Рядом со мной — Леонид Миронович Леонидов, который меня очень любил как актрису (мы вместе с ним играли в «Егоре Булычове»: я — Шурку, а он — ее отца). «Что у вас с Фадеевым?» — этим вопросом он меня просто «оглушил» (я даже вспотела). «Леонид Миронович, — говорю я ему, — я вас очень уважаю, но разве так можно?» — «Ну-ну. Мне просто интересно. Чтобы в Париже сидеть полтора часа в вестибюле гостиницы, дожидаясь вас...» (А в это время мы с Ольгой покупали какие-то шмотки.)

Потом я помучила его годик и в 1938-м вышла за него замуж.

С Фадеевым (тут, не удержавшись, корреспондент начал задавать свои вопросы)

— Говорят, Фадеев был человеком портящего обаяния?

— Это был большой человек. У него был интереснейший круг знакомых. Кто только не бывал у нас дома: Алексей Толстой, Твардовский, Симонов, Федин... Я помню, как Симонов читал стихи у нас на даче, Твардовский — «За далью — даль». Приезжала Ахматова, заходил Пастернак... Я даже была знакома с Жолио-Кюри. В тот период он был вице-председателем Всемирного совета мира и приехал в Москву. Потом ему захотелось съездить в Ленинград, предоставили отдельный вагон. Он с женой Ирен и мы с Фадеевым туда отправились. Помню, что, обследовав весь Эрмитаж, он попросил дополнительно показать ему «французов» из запасников.

А потом мы вместе поехали в Хельсинки, где проходило заседание Совета мира (это был тот редкий случай, когда я была в отпуске: обычно Фадеев ездил без меня).

— А с кем из писателей Александр Александрович был ближе?

— Летом он больше общался с ближайшими соседями по даче — с Всеволодом Ивановым и Ираклием Андрониковым. Чуть дальше от нас жили Федин, Погорин, Пастернак, Сельвинский...

Но в общем мы с ним жили очень разной жизнью: я была полностью поглощена театром, с каждым годом все больше входила в репертуар. И при этом прекрасно понимала, что без труда ничего не сделаешь.

— Когда начались репрессии и в беду попал Николай Эрдман, вы понимали, что происходит?

— Нет, не понимала. Я вам скажу, что и Фадеев не понимал ничего в тот период, когда начали арестовывать друзей. Сейчас уже трудно представить, какой авторитет имел Сталин. Виленкин, который был секретарем Немировича-Данченко, рассказывал, как Немирович ему говорил: «Я так верю Сталину, что отдал бы за него жизнь». А ведь он был мудрейшим человеком, умницей.

— Фадеев с вами разговаривал на такие темы?

— Никогда. Думаю, что он ни с кем не делился. Когда я стала замечать в нем какие-то странности (он подолгу лежал на диване молча, не отвечал на вопросы, о чем-то напряженно думал), то обратилась за советом к Федину, потом к Симонову. Они мне сказали: Фадеев совершенно неконтактен, недоступен. Свой уход из жизни он, конечно, обдумывал.

— Можно ли сказать, что с течением времени он из легкого, веселого человека превратился в замкнутого, или этого не было?

— За двадцать лет нашей сов-

Ангелина Степанова: цветы от поклонников

местной жизни многое бывало. У меня дома стоит большая коробка, полная писем Фадеева. Но они — супружеские. Это не письма ко мне Николаю Эрдману (они вышли отдельной книжкой). В письмах Фадеева — забота о семье, бытовые рассказы. Когда люди живут вместе, они ведь редко подробно переписываются. Конечно, есть письма, которые заслуживают внимания. Некоторые из них я отдала в музей МХАТа. Остальные оставила на усмотрение сына Миши. Недавно он раскопал письмо, написанное мне Фадеевым в 1954 году, за полтора года до смерти: такое нежное, любовное письмо... А есть и натянутые послания (очевидно, в тот момент он сильно пил, мы рассорились, и контакт был нарушен).

— А как могли сохраниться письма Эрдмана?

— Для меня это загадка. Ведь Николай Робертович три раза сидел.

— Вернувшись, Эрдман не пытался встретиться с вами?

— В 1956-м МХАТ решил поставить «Марию Стюарт». Я получила роль Елизаветы Английской. Потом произошла трагедия с Фадеевым. И я в таком состоянии репетировала. В зале всегда сидел Пастернак, сделавший блестящий перевод пьесы Шиллера (несколько лет назад вышла книга его писем к жене. В одном из них он рассказывает о репетиции — хвалит меня, Тарасову, а потом замечает: «Остальные декламируют»). Брат Николая Робертовича Эрдмана — Борис — тоже работал в этом спектакле. Однажды он подошел ко мне и сказал: «Я был у Николая, рассказывал, как мы репетируем, он очень заинтересовался и просил тебе передать, что был бы счастлив, если ты его навестишь». Я ответила: «Хорошо». И как-то раз после репетиции мы с Борисом пошли к нему. Дверь открылась раньше, чем мы к ней приблизились, так он нас ждал. И состоялась дружески-теплая встреча. Оба брата очень выстраивали о Фадее-

еве. Уход из жизни повернул какой-то другой стороной его личность, они стали по-иному его понимать.

Потом я пригласила их к себе. Они пришли, но встреча как-то не сложилась: у меня было двое сыновей — одному двенадцать лет, другому — двадцать. Старший был уже женат на Гурченко. Полный дом народу: в одной комнате подростки, в другой — молодежь (я добила того, чего хотела, — семьи). Общения не получилось.

Потом наступила пауза. Спустя время у меня дома раздался телефонный звонок. Эрдман сказал мне: «Лина! Ты можешь меня выручить? Я в очень трудном положении: мне срочно нужны десять тысяч рублей!» (Он тогда строил дачу.) Я сказала: «Хорошо. Позвони через два дня. Я сниму деньги в сберкассе». Я, конечно, дала ему денег (недели через три он вернул долг).

Представляю, как ему было тяжело ко мне обращаться.